

*Эту книгу я посвящаю своим лучшим друзьям:
матросам, подкиперам и барабанщикам,
штурманам и капитанам,
флаг-капитанам и флагманам отряда «Каравелла».*
Владислав Крапивин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВСАДНИКИ НА СТАНЦИИ РОСА

1

Хорошее было у станции название. Очень для нее подходящее. Мальчик пришел сюда рано утром, и, пока он брел от дороги к домику, брюки у него до колен вымокли от росы. Потому что кругом стояли высокие травы и на них дрожали крупные водяные шарики. В шариках зажигались огоньки: малиновые, золотые, синие.

Мальчик подошел к скамейке, поставил чемодан, бросил на него потертую рыжеватую курточку, сел и стал ждать поезд.

Ждал он долго и терпеливо.

Огоньки в траве давно погасли, пришел июльский безоблачный полдень.

Станционный домик стоял среди лопухов и высокой овсяницы. Он был небольшой, светло-коричневый, с белыми кружевными карнизами. На острой башенке весело торчал жестяной петух. Он будто высматривал, не спешит ли сюда из-за дальних лесов какой-нибудь поезд. Но поезда появлялись редко: станция располагалась не на главной дороге, а на боковой ветке.

У крыльца, в палисаднике, стояла гипсовая скульптура: мальчик и жеребенок. Низенький постамент скрывался в траве, и можно было подумать, что мальчик с жеребенком стоят прямо на земле. Будто они играли на соседнем лугу и на минутку забежали на станцию взглянуть на круглые часы: не пора ли обедать? Наверно, было еще не пора, потому что они затевали новую игру. Мальчик правой рукой обнял жеребенка за шею и чуть нагнулся, словно хотел что-то ему на ухо прошептать. Жеребенок стоял смиренно, однако в каждой жилке его звенело нетерпение. Он будто говорил: «Я тебя люблю и слушаюсь, но давай поскорее перестанем шептаться и пойдем еще поскачем».

Так, по крайней мере, казалось маленькому пассажиру. Ему нравились гипсовые мальчик и жеребенок, чем-то похожие друг на

друга — оба тонконогие, ловкие и, конечно, веселые, — и он смотрел на них как на товарищей. И даже немного им завидовал. Но все-таки они были не настоящие.

Мальчик на скамейке вздохнул и перевел взгляд.

Дверь в дом была открыта. В маленьком станционном зале громыкала ведрами пожилая уборщица. За домом поднимался зеленый солнечный бугор с редкими и очень прямыми березами. За березами виднелись крыши и антенны дачного поселка. Еще дальше темнел сосновый лес. Он огибал станцию с трех сторон. А на юге, за рельсовой линией, уходили к реке светлые луга и кустарники.

Было жарко и тихо (только ведра погромыхивали). Пахло смолой и гудроном от разогретых шпал.

Из-за бугра пришел серый клочкастый пес. Ростом с козу. У него были полустоячие уши, толстые лапы и озабоченная морда. Он сунулся было в дверь, но увидел уборщицу и попятился, поджав похожий на веер хвост. Улизнув от двери, пес принял независимый вид и деловито оглянулся. Тут он заметил мальчика.

С полминуты они разглядывали друг друга с любопытством и чуть настороженно. Потом пес медленно двинулся к мальчику и остановился в трех шагах.

— Чего тебе? — сказал мальчик. Сказал не сердито, а с неловкостью, как говорят с маленькими детьми, когда не умеют с ними обращаться и боятся обидеть.

Пес нерешительно махнул хвостом. Один раз.

Мальчик чуть улыбнулся. Щелкнул замком чемоданчика и поднял крышку. Пес сделал еще шаг, торопливо сел, наклонил голову и совсем по-человечьи моргнул. Мальчик вынул газетный сверток с дорожным запасом. Это были два ломтика хлеба, а между ними — котлета. Песий хвост засвистел и замелькал, как пропеллер, с пушистых одуванчиков стайками взлетели семена-парашютики и осели у мальчика на брюках. Он засмеялся, разломил котлету и бросил половину псу.

Мальчик думал, что кусок моментально исчезнет в собачьей пасти. Но пес, получив угощение, перестал вертеть хвостом, лег и начал жевать котлету, деликатно придерживая лапой. При этом поглядывал на мальчика благодарно и хитровато. Другую половину котлеты мальчик съел сам.

Потом они поделили хлеб. Он был не такой вкусный, как котлета, но пес охотно сжевал весь кусок и выразительно посмотрел на мальчика: «Нет ли еще?»

— Все, — сказал мальчик.

Пес глазами показал на газету: «А это?»

— Это же просто бумага. Видишь? — Мальчик повертел перед ним смятый газетный лист.

Пес не прочь был пожевать и бумагу, пропитанную таким вкусным котлетным запахом, но мальчик не понял. Он скомкал газету и оглянулся: куда бы кинуть? Кругом было чисто. В траве палисадника и на дорожке мальчик не заметил ни окурков, ни бумажных клочков. К тому же сердитое побрякивание ведер напоминало, что мусорить на станции не следует. Уборщица уже вымыла пол внутри дома и мыла крыльцо. Мальчик подошел к ступеням.

— Скажите, пожалуйста, куда можно бросить бумагу?

Уборщица выпрямилась и глянула с высоты. Она сделала вид, что лишь сию секунду заметила мальчика, хотя давно украдкой наблюдала за ним. Она знала, что от мальчишек добра не бывает. Бывают лишь вытопанные клумбы, шум, беспорядок, а то и окурки по углам. Она привыкла обходиться с этим народом сурово. Но сейчас привычка боролась в ней с симпатией к незнакомому парнишке — спокойному, удивительно ясноглазому, не похожему на скандальных поселковых пацанов.

Наконец она снисходительно сказала:

— Если уж так порядок любишь, снеси вон туда, за угол. Там мусорный ящик есть.

Он кивнул и неторопливо зашагал по тропинке, протоптанной вдоль кирпичного фундамента. Пес неодобрительно взглянул на уборщицу и пошел за мальчиком. Они свернули за угол.

Уборщица смотрела мальчику вслед. «Ишь какой, — думала она со скрытым удовольствием. — Не хулиганистый, ладненький мальчонка. Родители, видать, культурные...»

Потом она взглянула на скамейку, где мальчик оставил вещи. Курточка сползла со спинки и свалилась в траву. Женщина вытерла о подол руки, спустилась с крыльца и подняла куртку. «Из лагеря возвращается, — подумала она. — Чего же это он один-то? Самостоятельный...»

...К большому огорчению пса, мальчик бросил вкусную газету в побеленный дощатый ящик и хлопнул крышкой. Пес вздохнул и сел.

— Что вздыхаешь? — спросил мальчик. — У тебя тоже неприятности?

Пес замахал хвостом. Он как бы говорил: «Неприятности — чужь. Если хочешь, я готов быть веселым».

— Ты смешной, — сказал мальчик. — Ушастый, хвостастый, блохастый.

Пес наклонил набок голову. Одно ухо встало у него торчком, а другое совсем упало и закрыло глаз.

Мальчик засмеялся:

— Чучело репейное. Как тебя зовут?

Пес вдруг подскочил и припал на передние лапы. Он приглашал поиграть. Морда у него стала дурашливая и озорная.

— А ты меня нечаянно не слопаешь? — спросил мальчик.

Пес замотал головой так, что уши захлопали: «Ни в коем случае!»

Мальчик шлепнул его по косматому загривку:

— Ты ляпа! Догоняй! — и помчался по траве.

Разинув большую розовую пасть, пес рванулся за ним. Он тут же догнал мальчика и постарался ухватить его за ногу. Мальчик споткнулся и полетел в упругие заросли репейника. Пес вцепился в его штанину. Обрадованно заурчал. Но при этом косился золотистым взглядом: «Тебе не больно? Ты не ушибся?»

— Эй-эй! — крикнул мальчик. — Брысь со своими зубами! Не имеешь права!

Он тряхнул ногой и вскочил. Пес отпрыгнул и ждал, махая хвостом.

— Смотри, что ты грызешь, — укоризненно сказал мальчик. — Мои заграничные штаны. На них твой портрет, а ты — зубами...

Он повернулся к собаке задним карманом. Карман украшала кожаная заплата с отпечатанной головой овчарки и буквами «Szagik». Это был знаменитый Шарик из польского фильма «Четыре танкиста и собака». Но кудлатый станционный пес не смотрел многосерийных телефильмов, и ему было все равно. Он снова примерился, как бы сцапать мальчика за штанину.

— Ах, ты так?!

Мальчик прыгнул к нему и хотел повалить в траву, но пес увернулся и зигзагами бросился наутек.

— Догоню! — крикнул мальчик.

И правда догнал, хотя и не сразу. Хлопнул пса по кудлатой спине:

— Ты опять ляпа! А ну, поймай!

И пес бросился за ним... Он понял, что такое игра в «ляпки»...

Наконец они устали. Мальчик сел на старую шпалу в тени красной трансформаторной будки, похожей на часовенку. Пес встал перед ним, вывесил язык и моргал желтыми глазами.

— Ты хороший, — сказал мальчик. — Ты совсем не чучело. Я пошутил.

Пес одобрительно задышал, подошел вплотную и сунул морду мальчику под мышку.

— Пойдем, — сказал мальчик. — Вдруг у меня украли чемодан со скамейки? Тогда мы с тобой бросимся по следу и поймаем преступников. Согласен?

Пес был на все согласен. Они пошли в станционный скверик. Чемодан оказался на месте, куртка тоже. Да и кто их мог взять? На всей станции, кроме мальчика, было всего три человека: в глубине дома дремал пожилой дежурный, в комнатке с квадратным окошечком шелестела журналом кассирша, а недалеко от крыльца чистила медный колокол уборщица. Она стояла на табурете и драила колокол тряпкой с белым порошком. Солнце отражалось в начищенной меди, как большая лучистая звезда.

Мальчик и пес подошли, и уборщица глянула на них неласково. Теперь мальчик не казался ей таким уж культурным и воспитанным. Был он помят и взъерошен, на рубашке и брюках висели серые шарики репейника, в спутанных светлых волосах торчали мелкие листики и обрывки травы.

— Извините, — сказал мальчик. — Вы не знаете, как его зовут? — Он притянул к себе пса за шею.

— Этого-то зверя? — спросила уборщица хмуро и пренебрежительно. — Да никак его не зовут. Как его звать, если он бесхозяйный? Как хошь, так и зови. Он на все откликается, лишь бы кормили.

— Значит, он ничей?

— Может, и был чей, а сейчас не поймешь. Ребяшня притащила откуда-то, а в дом никто не пускает. Кусок кой-когда кинут, ну и все... Кто Полканом кличет, кто Жучкой, кто Фантомасом.

— Спасибо, — сказал мальчик. Ему хотелось еще что-то спросить, но он не решался.

Псу было неуютно тут, рядом с сердитой женщиной, у которой в руках тяжелая тряпка. Он переступал передними лапами и нетерпеливо поглядывал на мальчика: «Пойдем отсюда, а?»

— Извините, что я вас отвлекаю, — сказал мальчик. — Я только хотел спросить: если его здесь не будет, о нем никто не станет беспокоиться?

— Да кому он нужен-то? Все равно когда-нибудь пристрелят за то, что кур гоняет.

— Видите, почему я спрашиваю... Я хочу его взять к себе домой, если он правда ничей.

— Такую лахудру? — изумилась уборщица. — Да мать-то вас обоих из дому веником выгонит!

Мальчик тихо сказал:

— Что вы! Никто не выгонит. Значит, я могу его взять?

— Да забирай на здоровье. Такое сокровище...

— Спасибо, — еще раз сказал мальчик и отступил к своей скамейке.

2

Человек устроен так, что ему обязательно нужен уют. Если он едет в вагоне, то привыкает к своей полке, и ему кажется, что эта полка — его маленький дом. Если он устраивается на ночлег в лесу под сосной, то сразу начинает отличать свою сосну от других: это дерево приютило его, и оно теперь ему ближе, привычнее, чем остальные.

Так и скамейка. Мальчик провел на ней почти полдня и привык.

Скамейка была сколочена из длинных деревянных брусков и покрашена в зеленый цвет. Давно покрашена. Бруски потрескались, краска отскакивала от дерева острыми сухими пластинками. Мальчик, пока сидел, потихоньку отколупывал их вокруг того места, где было вырезано слово «Алеша». Ему почему-то казалось, Алешей зовут гипсового парнишку. Мальчик поглядывал на него, но тот был занят, конечно, своим жеребенком.

Иногда мальчик вставал, чтобы напиться воды из бачка в пустом зале ожидания или погулять вокруг станции, а потом снова возвращался на скамейку, под ветки желтой акации — как домой. И снова сидел: ждал, когда пройдут долгие шесть часов и появится поезд.

Ему казалось, что ждет он очень давно, целую неделю. И целую неделю видит перед собой этот железнодорожный теремок, жестяного петуха на крыше, медный колокол и белую эмалированную табличку с синей надписью: «ТЕЛЕФОНЪ» (сразу было понятно, что висит она тут с незапамятных времен, когда бегали по здешним рельсам паровозики, похожие на самовары).

У мальчика была привычка: от скуки читать все надписи задом наперед. Но слово «телефонъ» мальчик не мог прочесть наоборот из-за твердого знака. И от этого делалось еще скучнее.

Так было, пока не пришел пес.

Пес оказался добрый и веселый. И когда мальчик понял, что эта ничья собака стала теперь его и не надо никогда с ней расставаться, все прошлые горести показались ему пустяками.

Он подвел пса к своей скамейке.

— Мы будем жить вместе. Понял? Ты меня не бросишь?

Пес фыркнул, чихнул и замотал головой: то ли семя одуванчика влетело ему в ноздрю, то ли вопрос мальчика показался оскорбительным.

— Молодец ты, умница. Только как мы с тобой поедem в поезде? Подожди-ка...

Мальчик достал из кармана складной ножик и расстегнул брючный ремешок. Ремень был длинный и опоясывал худенького хозяина почти два раза. Мальчик отрезал лишний конец. Затем проколол в отрезанном куске несколько дырок, вытащил из другого кармана колечко медной проволоки, протянул ее сквозь отверстия.

— Ну-ка, давай голову, примерю ошейник.

Пес отнесся к приглашению без восторга. Но не спорил. Он терпеливо ждал, когда мальчик закрепит у него на шее непонятную штуку.

— Ну вот, — с удовольствием сказал мальчик. — Теперь ты не бродяга, а вполне законная собака. И ничего, что ты худой и кудлатый. Ты еще станешь гладкий и красивый, когда подрастешь. Ты ведь еще не взрослый, хотя и большой. Ты почти щенок.

При последнем слове пес торчком поставил оба уха и моргнул.

— Ще-нок... — ласково повторил мальчик.

Пес переступил передними лапами и усиленно замахал хвостом.

Мальчик засмеялся:

— Нравится? Я и буду звать тебя Ще-Нок. А когда вырастешь, «Ще» мы отбросим.

Он вытащил из чемодана, из-под маек и рубашек, старенькие кеды, выдернул из них шнурки. Потом соединил шнурки узлом и один конец привязал к ошейнику. Поводок получился непрочный, но он ведь и нужен был только для вида: пес, по имени Ще-Нок, и без привязи не отходил от своего хозяина ни на шаг.

— Пошли, — сказал мальчик.

Они отправились к кассе, и мальчик вежливо побеспокоил молоденькую кассиршу, увлеченную журналом мод:

— Скажите, пожалуйста, для собаки надо брать билет?

— А как же! Если до города — тридцать две копейки.

Мальчик обрадованно подмигнул псу: денег хватало. Теперь они оба станут пассажирами. Билет — это документ. Это доказательство, что Нок в самом деле его собака.

Он взял пса за ошейник.

— Пошли, товарищ пассажир.

И в этот момент мальчик увидел у своей скамейки человека.

Мальчик совсем не хотел с ним встречаться. Это был физрук лагеря Станислав Андреевич. Конечно, оказался он здесь неспроста.

Физрук пока не видел мальчика. Но все равно нельзя было ни спрятаться, ни убежать. Убегает и прячется тот, кто виноват. Или тот, кто боится. А мальчик знал, что не виноват, и не боялся. Правда, он испытывал тоскливое чувство: смесь унылой тревоги и досады, но это был совсем не страх.

Придерживая пса, мальчик медленно подошел к скамейке.

— А-га... — растянуто сказал Станислав Андреевич. — А то я смотрю: вещички здесь, а хозяина нет... Ну как? Набегался?

— Я не бегал.

— Ну... нагулялся, значит, — сказал физрук примирительно.

— Я не гулял. Я поехал домой, вы знаете.

— Смотри-ка ты, домой! — воскликнул Станислав Андреевич почти весело. — Ладно, друг, кончай дурака валять. И давай топать в лагерь, а то к обеду не поспеем. Да не бойся, ничего тебе не будет, это я по секрету могу сказать.

Мальчик удивился:

— «Не будет»? Я и не боюсь, что «будет». Я просто решил уехать домой.

— Обиделся!

Мальчик вскинул глаза:

— А что? Человек не имеет права обижаться?

— Человек... Если всякий будет на ерунду обижаться да из лагеря бегать, что тогда?

— Во-первых, это не ерунда, — четко сказал мальчик. — Во-вторых, я не убегал. Я сказал, что уйду, и ушел. Начальник сам говорил: «Убирайся!»

— А ты и обрадовался! Мало ли что человек может сгоряча сказать! Может, ты хочешь, чтобы он у тебя прощения попросил?

Мальчик подумал.

— Нет, не хочу. Да он и не будет.

— Слава богу, догадался. Сам во всем виноват, а еще выкаблучиваешься.

— Я? Виноват? — опять удивился мальчик.

Станислав Андреевич вздохнул и сказал добродушно:

— Ну ладно, парень. Не будем спорить, кто виноват. Я про эту историю подробно и не знаю. Мне что нужно? Чтобы ты в лагерь вернулся.

Мальчик мотнул головой:

— Не вернусь я... Теперь я уж совсем не могу, даже если бы и хотел. Видите, у меня собака. Куда ее девать? В лагерь ведь не пустили бы... Нок, лежать! — Он ладонью нажал псу на загривок, и тот неохотно лег.

Физрук с усмешкой спросил:

— Где ты подобрал эту зверюгу?

— Подарили.

— Ну и подарочек... За версту видно, что он дурак и трус.

— Мне и такой хорош, — сдержанно сказал мальчик.

Станислав Андреевич щелкнул языком. Пес шевельнул хвостом, добродушно разинул розовую пасть и вопросительно глянул на мальчика. Тот сделал шаг вперед, словно хотел загородить собаку от чужого человека.

— Выходит, ты променял весь лагерь на бродячего пса, — сказал Станислав Андреевич.

Мальчик слегка растерялся:

— Да ничего я не менял... Ну при чем здесь ваш лагерь? Он без меня проживет. А собака не проживет. Мне ее отдали, значит я за нее отвечаю.

— А за тебя отвечает коллектив. И администрация, — внушительно сказал физрук. — И покидать лагерь ты не имеешь права.

— А почему?

— Потому что порядок должен быть. Вот пускай приедут родители, напишут заявление, что хотят забрать тебя, и тогда — до свидания.

— Как же они приедут? Они не знают...

— Напиши им.

— «Напиши»... — насмешливо откликнулся мальчик.

— Да ладно тебе, — кисло сказал Станислав Андреевич. — Ты много о себе воображаешь. Думаешь, будто кому-то нужны твои письма! Если хочешь, можешь и это отправить, оно у меня. Тихон Михайлович велел отдать. Хоть сейчас опускай в ящик, вон он висит.

— Давайте, — быстро сказал мальчик.

Физрук протянул ему помятый конверт. Мальчик сложил его пополам и сунул в карман.

— Ты опускай, опускай в ящик-то.

— Зачем? — хмуро сказал мальчик. — Оно два или три дня будет идти. А сам я сегодня вечером буду дома.

Станислав Андреевич насупилсся и тяжело произнес:

— Не будешь ты дома... вечером. Ты эти шуточки играть со мной перестань. Мне директор сказал, чтоб тебя в лагерь доставить. Я доставлю, будь спокоен.

— Как? — удивленно спросил мальчик. — Разве я посылка или багаж? Ну как вы меня доставите, если я не хочу?

— А очень просто!

Станислав Андреевич шагнул к скамейке, левой рукой подхватил чемоданчик и куртку, а правой взял мальчика за локоть.

В первую секунду мальчик замер от неожиданности: никогда в жизни ему не приходилось еще испытывать на себе злую силу взрослого человека. В следующий миг напрягся он, чтобы рвануться со всей обидой и яростью! Но тут же почувствовал: напрасно. Пальцы физрука — сильные, загорелые, с белыми волосинками и короткими ногтями — охватили тонкую руку мальчика с каменной прочностью. И он отчетливо понял, что выхода нет. Сейчас этот человек в самом деле уведет, утащит его отсюда, и никто не заступится. Если кто-нибудь и встретится по дороге, то поверит, конечно, взрослому, а не мальчишке, у которого сто грехов: нарушил дисциплину, сбежал из лагеря, не слушает старших...

«Но ведь это неправда! Как вы смеете! Вы же не имеете права!» Мальчик хотел крикнуть эти слова, но помешали закипающие слезы. Отчаянные слезы готовы были прорваться вместо слов. Но в этот миг сзади раздался короткий хрипловато-горловой звук.

Мальчик и физрук разом обернулись.

Пес уже не лежал. Он стоял на широко расставленных лапах. Это был совершенно незнакомый пес — со вздыбленным загривком и глазами хищника. Верхняя губа у него некрасиво сморщилась и открыла очень белые зубы.

Мальчик опомнился первым. И торопливым шепотом сказал:

— Отпустите меня, он же бросится.

Пальцы словно оттаяли: стали мягкими и скользнули с локтя.

Радость мальчика была как теплый толчок. Он коротко засмеялся.

— Нок, — сказал он. — Ничего, Нок. Спокойно, Нок...

Пес шевельнул хвостом, но по-прежнему неотрывно смотрел на Станислава Андреевича, и шерсть на загривке не опускалась.

Мальчик подошел и взял Нока за ошейник.

Станислав Андреевич медленно отступил на три шага. И проговорил:

— Бешеный... Пристрелить его надо такого. И сам ты тоже псих. Ну, черт с тобой. Вот напишут тебе в школу такую характеристику, что на всю жизнь запомнишь.

Он отступил еще на несколько шагов. Потом осторожно повернулся и зашагал по тропинке к шоссе.

— Оставьте мои вещи, — сказал вслед мальчик.

Станислав Андреевич замедлил шаги, но не остановился. Он словно раздумывал: отдать чемодан или унести в лагерь? Может быть, тогда мальчишка сам прибежит?

Мальчик вспомнил его каменные пальцы, и опять нахлынула обида. Но это была уже не беспомощная обида. Глядя вслед уходящему человеку, мальчик звеняще повторил:

— Оставьте вещи!

Станислав Андреевич остановился, уронил в траву чемоданчик, куртку и опять зашагал. Не оглянулся.

Пес посмотрел на мальчика, приоткрыл пасть и коротко задышал.

— Нок, — сказал мальчик. — Он ведь сам виноват. Верно?

И подумал: «Хорошо, что я не успел заплакать».

Потом он потянул Нока за ошейник и, опустив голову, пошел к брошенным вещам. Шел он очень медленно. И так же медленно возвращался. Лишь в нескольких шагах от скамейки он поднял глаза и увидел, что там сидит незнакомый мужчина.

Мужчина улыбнулся и сказал:

— Добрый день, Сережа.

3

Если бы он просто сказал «добрый день», было бы не удивительно. Ведь когда на пустой станции встречаются два человека, неудобно смотреть друг на друга молча. Но незнакомец назвал мальчика по имени. И мальчик встревожился, боясь новой опасности.

— Здравствуйте, — напряженно сказал он.

Все так же улыбаясь, мужчина объяснил:

— Ну что ты удивился? Я прочитал твои анкетные данные на чемодане. Вон какой у тебя опознавательный знак.

Действительно, к боковой стенке чемоданчика был приклеен бумажный квадратик с печатными буквами: «Сереза Каховский, 5-й отр.».

— Правда, я и не догадался, — облегченно сказал Сереза. Он отпустил Нока и начал ногтями соскабливать с чемодана бумажку. Нок улегся рядом со скамейкой и вопросительно поглядывал на хозяина.

Сереза украдкой посмотрел на незнакомца. Тот сидел, неудобно согнув длинные ноги и откинувшись на спинку скамьи. На коленях у него лежала замшевая куртка, а правым локтем он придерживал пузатый желтый портфель. У незнакомца было длинное лицо с круглыми складками у рта, редкие волосы и длинные залысины. Он улыбался, показывая большие прокуренные зубы.

«Дон Кихот с портфелем», — подумал Сереза. Подумал без насмешки. Дон Кихот (не этот, а настоящий, из книжки) ему нравился. А у этого «Дон Кихота» ему понравилась улыбка, хотя она могла показаться некрасивой и походила на улыбку лошади.

— Из лагеря возвращаешься? — спросил незнакомец.

— Да... — вздохнул Сереза. — Возвращаюсь...

— Любопытно. Неужели ты и красавца этого из лагеря веешь? — Мужчина подбородком показал на Нока.

— Нет. Я его здесь... Ну, в общем, его мне подарили.

— А, понятно. Славный пес. Главное, порода хорошая.

Сереза удивленно посмотрел на «Дон Кихота». Тот опять улыбнулся и повторил:

— Хорошая. Типичная среднерусская дворняга.

Сереза сказал слегка обиженно:

— Пускай. Мне породистая и не нужна. Зато он верный.

«Дон Кихот с портфелем» перестал улыбаться.

— Я ведь не смеюсь, — объяснил он. — Такие вот дворняги очень часто бывают умнее породистых псов. Я знаю одну девочку, у нее совершенно беспородная собака первое место заняла на областной выставке. За выучку. Я про них писал — про хозяйку и про собаку эту, про БERTУ.

Сереза перестал соскребать наклейку и выпрямился. И тихо спросил:

— Вы писатель, да?

— Ну почему писатель? Я журналист. В редакции работаю... Видишь, поэтому я и любопытный такой. Как говорится, профессиональное качество...

— А... — сказал Сережа и вздохнул.

— Почему «а»? — спросил мужчина слегка ревниво. — В том смысле, что понятно, отчего я любопытен? Или жаль, что не писатель?

— Что не писатель, — честно сказал Сережа. — А то я хотел спросить...

— Д-да... А может быть, спросишь? Я кое-что в писательских делах понимаю. Или нельзя?

— Да нет, можно. Я просто узнать хотел... — Сережа замолчал, передвинул чемоданчик, присел на него и, глядя снизу вверх на «Дон Кихота», спросил: — Писатели про многое просто выдумывают, верно? Особенно фантастику или сказки. И ведь никто над писателями не смеется, не кричит, что они все наврали... А если какой-нибудь человек... ну, не писатель, а просто... Если он какие-нибудь истории просто для интереса начинает придумывать, его сразу дразнят, что хвастун. Почему?

— Бы-ваает... — медленно сказал журналист. — Но тут, наверно, ничего не поделаешь. Просто не надо обращать внимания... Между прочим, над писателями тоже иногда смеются. Дураки-то еще есть на свете.

Сережа кивнул. Хотел еще что-то сказать, повернулся... Штатный чемоданчик опрокинулся под ним, и Сережа полетел в траву.

Он тут же вскочил и засмеялся.

— Садись-ка на скамейку, — сказал журналист. — А то раздавишь свой багаж да еще шею свихнешь.

— Не свихну. Мне эта скамейка уже надоела, я на ней с самого утра торчу.

— Ну и что? По-моему, очень удобно. Спинка удачно сделана и вообще... — Журналист повозился на скамейке, устраиваясь поуютнее.

Сережа торопливо проговорил:

— Извините, я забыл сразу сказать. Там, кажется, где-то гвоздь торчит, можно брюки порвать.

«Дон Кихот» поспешно приподнялся. Ощупал под собой скамью.

— Черт... Действительно торчит. Это было бы чрезвычайно досадно — порвать штаны. Других у меня с собой нет.

— У меня нитка с иглкой есть. Зашили бы, — сказал Сережа.

— Спасибо, утешил... А почему ты свои не зашьешь? Вон у тебя внизу штанина распорота.

— Да ну их! Я их вообще снять хотел, да в чемодан не влазят... Я их надел, потому что через колючки надо было пробираться. Ну и зацепился там.

— Где же ты пробирался через колючки? Ты ведь из лагеря едешь?

Сережа нахмурился.

— Ну извини, — поспешно сказал журналист. — Это опять профессиональная привычка. Командировочное настроение у меня. Когда я в командировке, то всех обо всем спрашиваю.

— Значит, вы в командировке? — переспросил Сережа. Потому что неловко было молчать.

— Угу, — откликнулся «Дон Кихот».

Он вдруг внимательно посмотрел на Сережу, наморщил лоб, будто решал что-то. Потом спросил:

— Можно я расскажу тебе маленькую историю? Ты не удивляйся. Понимаешь, мне очень интересно, что про эту историю скажет случайно встреченный человек. Ну, такой, как ты... Можно?

— Конечно, — сказал Сережа. — А про что история?

— Да простое, в общем-то, дело... Получили мы в редакции письмо. От одного гражданина. Пишет гражданин про председателя здешнего колхоза «Луч». Пишет, что председатель этот такой-сякой, с людьми не ладит, зазнается, обижает подчиненных. Колхозные машины для своих личных дел использует. Пионеров из лагеря на колхозную стройку не велел пускать, когда они там хотели в порядке шефской помощи поработать...

— Это, наверно, про наш лагерь, — вставил Сережа. — Здесь близко другого нет.

— Наверно, про ваш... А еще председатель заставил студентов дом для его родственницы ремонтировать. Там студенческий строительный отряд работает, новый конный двор строят ребята, так вот целую бригаду из этого отряда послал он частный дом чинить... Ну и еще кое-что понаписано... В общем, приехал я в колхоз разбираться. Вопрос-то серьезный. И действительно, вроде бы так оно все и есть, как в письме. На первый взгляд. А если поглубже копнуть, то в письме сплошная чушь. Конечно, есть в колхозе люди, которым председатель не по вкусу: лодыри это и прогульщики. Когда народ на поле выходит, они на свой огород или на базар. И на-

счет машин — чепуха. А насчет пионеров, так он правильно сделал, что не разрешил. Нечего на этой стройке ребятишкам делать, там такие бревна да шлакоблоки, что и студенты едва управляют. А что касается ремонта дома, то это вообще стопроцентное вранье. Никакая она ему не родственница, а просто однофамилица. У нее муж в прошлом году умер, а был он, кстати сказать, инвалид, бывший партизан. Умер, не успев дом поправить. А студенты услышали эту историю и решили помочь. Их председатель и не заставлял. Вот так, брат... Ну что?

Сережа смутился. Не привык он обсуждать такие «взрослые» вопросы.

— Ну так что... — сказал он с неловкостью. — Значит, все в порядке. Да?

Журналист шумно вздохнул и обрадованно заулыбался.

— Вот и хорошо. Ну, ты молодец, честное слово.

— Я... даже не понимаю, — растерялся Сережа. — Почему я молодец? Вы смеетесь почему-то...

— Просто радуюсь. Видишь, не везло мне сегодня с утра. Встретил двух знакомых одного за другим (у меня тут в округе знакомых полно), рассказал им эту историю, а они... Один меня жалеть начал: вот, мол, зря съездил, фельетон-то писать не о чем. А другой начал молотить: «Знаем мы этих председателей. Хоть и не подтвердилось ничего, а все равно они такие...» И ни тот ни другой не порадовался, что человек-то оказался хороший этот председатель. А ты вот сказал самое главное: «Все в порядке». Это ведь здорово, что ты так сказал.

Сережа подумал.

— Да... Только знаете что? Ведь тогда получается, что человек, который письмо писал, — плохой.

«Дон Кихот» кивнул:

— Правильно заметил, Сережа. Только это и так было видно, сразу. Еще когда письмо не проверяли.

— Почему?

— Ну... это заметно. Злое письмо. И подписано как-то странно. Вроде бы и есть фамилия, а не разберешь толком. На букву «С». И должность под фамилией написана странная: руководящий работник. Не нашел я в колхозе этого «руководящего работника», хотя многим письмо показывал.

— А он, наверно, просто не хотел, чтобы его узнали, — догадался Сережа.

— Наверно... — сказал журналист и задумался.

А Сережа сидел на чемодане, поглаживал Нока и незаметно разглядывал журналиста. Тот ему все больше нравился. И не потому, что он с Сережей разговаривал, как со взрослым. Это многие умеют. Сережа не сумел бы объяснить словами, но чувствовал доброту большого незнакомого человека. Это была сдержанная доброта, и в ней ощущались уверенность и твердость. И когда «Дон Кихот» улыбался по-лошадиному или неловко передвигал длинные ноги, это было не смешно. Потому что за неловкостью была заметна сила. Ну не такая сила, как, например, у штангиста, а сила характера, что ли...

А может быть, все это Сереже показалось?

Ведь полчаса назад он пережил встречу с другим взрослым человеком — сильным и недобрый. Эта встреча оставила горькое беспокорство. И сейчас нужно было Сереже, чтобы рядом оказался кто-нибудь добрый и умный. Тот, кто все понимает.

«Интересно, как его зовут?» — думал Сережа. Но спросить было неудобно. И вдруг журналист (бывает же так!) встретился с Сережей глазами и сказал:

— Кстати, меня зовут Алексей Борисович... Ты не думай, что я на знакомство напрашиваюсь. Просто неловко получается: я твое имя знаю, а ты мое — нет... Между прочим, тебя, наверно, часто спрашивают, не потомок ли ты знаменитого декабриста?

Сережа улыбнулся:

— Спрашивают. Ну, не часто, а так, иногда. Только тут декабристы ни при чем. У меня дедушка был красный конник. Мне папа рассказывал. Дедушка тогда еще совсем молодой был, ну не взрослый даже. И родителей у него не было, он беспризорничал. А красные его к себе взяли. Это было как раз под Каховкой, про которую песня есть. Ну и дали ему такую фамилию, потому что он свою настоящую даже не хотел называть. Говорил, раз жизнь новая, пусть и фамилия новая будет... Он потом здорово воевал, даже командиром стал. Только умер он давно, его даже папа плохо помнит. И фотокарточки ни одной не осталось.

— Это не самое главное, — серьезно сказал Алексей Борисович. — Фамилия осталась. Славная у тебя фамилия, Сергей, позавидовать можно... Ну это я так, не подумай, что завидую. У меня фамилия тоже знаменитая. Иванов... Ты что смеешься? Я серьезно.

— Я не смеюсь, — запоздало сказал Сережа. — Это я... нечаянно. Извините.

— Думаешь, не знаменитая фамилия? Одних писателей Ивановых двадцать два человека, я специально интересовался. Вот так-то...

— У нас в классе Иванов есть, — сказал Сережа, чтобы сгладить неловкость.

— Один Иванов — это что! В нашем подъезде в трех квартирах Ивановы живут. Один, между прочим, тоже Алексей Борисович. Почтальонка замучилась, все время письма путает. Один раз открыл конверт, начал читать: батюшки мои, какая-то тетя Вера поздравляет меня с серебряной свадьбой. Смотрю — письмо-то соседу. Побежал извиняться. Ужас до чего неприятно.

— Ну, это ничего, — сказал Сережа. — Это же вы случайно... Алексей Борисович! А если какой-нибудь человек нарочно чужое письмо распечатывает и читает. Чтобы узнать что-нибудь про другого... Это как называется? Это очень плохо? Или... не очень?

Лицо Алексея Борисовича стало строгим и напряженным. Уж не подумал ли он, что Сережа про себя говорит?

— Вот вопрос... Ты же не маленький, Сергей. Наверно, и сам знаешь. Тут уж как ни крути, а называется это всегда одинаково — подлость... Да ты что вскочил?

— Ну вот, — сбивчиво заговорил Сережа. — Вот видите! Я ему так и сказал!

— Кому?

— Тихону Михайловичу. Начальнику лагеря...

4

Сначала Сереже понравилось в «Смене», хотя лагерь оказался совсем не такой, какой ему представлялся.

Раньше, когда говорили «лагерь», Сереже казалось, что это палатки и разноцветные домики, сгрудившиеся между скал и высоких черных елей. В вечернем небе — редкие звезды и яркая половинка луны. И теплый оранжевый костер у самой большой скалы рядом с говорливым ручьем.

Оказалось, что все не так. Были три длинных дома среди редких сосен, посыпанная песком площадка, мачта с флагом, высокий зеленый забор, фанерные плакаты «Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья» и «Пионер — всем ребятам пример». Трава между соснами была вытоптана, только вдоль забора густо росли репейники и крапива.

Но все равно Сережа не жалел, что приехал. Потому что в первый же вечер на лужайке за кухней развели костер, а вожатый третьего отряда Костя принес гитару и запел песню, от которой все притихли: песня была про очень знакомое, словно кто-то подслушал Сережину тайну.

Только говорилось в ней не про Сережу, а про маленького горниста.

...У горниста Алешки Снежкова
Отобрали трубу золотую.

Говорили, что сам виноват он:
По утрам потихоньку, без спросу
Подымался Алешка с кровати,
Шел на берег по утренним росам.

Разносился сигнал его странный
Над чащобой спутанных веток,
Над косматым озерным туманом,
Под оранжевым флагом рассвета...

И чтобы Алешка не нарушал режим, чтобы не разбудил кого-нибудь раньше срока, трубу у него взяли и заперли в шкаф. Ну что Алешка мог сделать? Может быть, даже плакал, закутавшись в одеяло, после отбоя, но трубу-то все равно не вернешь. Так и уснул.

Спит горнист. А что ему снится?

Может, снится, как эхо сигнала
В теплый воздух толкнулось упруго
И за черным лесным перевалом
Разбудило далекие трубы...

Тут у Сережи, когда он слушал эту песню, каждый раз начинало щекотать в горле, и попавший под руку сосновый сучок он сжимал, как сабельную рукоять.

Захрапели встревоженно кони,
Развернулись дугой эскадроны —
И склонились тяжелые копыта,
И поднялись над строем знамена.

В чистом небе — рассветная краска,
Облаков золотистые гряды.
Словно в сказке, но вовсе не в сказке
Вылетают на поле отряды.

Мчится всадников черная россыпь
Сквозь кустарник, туманом одетый,
По холодным предутренним росам
Под оранжевым флагом рассвета.

Потом были и другие песни. Но эту на каждом костре пели обязательно. И Сережа всегда ждал ее, и заранее начинала звенеть в нем радостная тревога. Будто могло случиться чудо, и всадники из песни готовы были вырваться на поляну и встать у костра: отблески огня на мордах коней, золотые искры на уздечках, стремях и медных кольцах ножен. А лиц не видно в тени, только звезды проступают на высоких шлемах...

Однажды после костра Сережа задержался рядом с вожатым и негромко спросил:

— Костя, а кто придумал эту песню?

— Да так... — неохотно сказал Костя. — Один человек... — И было похоже, что он смутился.

Странно. Вообще-то, Костя смущался редко. Он был веселый, неутомимый, справедливый. Не выгонял ребят раньше времени из речки, таскал на плечах малышей-октябрят и никогда не кричал на мальчишек, как вожатая Сережиного отряда с дурацким именем Гортензия.

Гортензия часто кричала, потому что в отряде не было дисциплины. Все хотели то в поход, то на речку, то футбол гонять, а проводить тематические сборы и выполнять режим никто не хотел. Гортензия из кожи лезла, чтобы добиться порядка. Но у нее ничего не получалось, хотя она изо всех сил старалась походить на старшую вожатую Евгению Семеновну.

А Костя не старался быть похожим. Он ходил в темных очках и носил зеленые шорты с широким командирским ремнем.

Все знали, что начальник лагеря Тихон Михайлович Совков недоволен Костей. Начальник считал, что взрослому человеку неприлично ходить в коротких штанах, а вожатый к тому же не имеет права носить черные очки, потому что они отделяют его от детей. Но Костя продолжал ходить в шортах, а очки ни от кого его не отделяли...

И вот когда Сережа спросил про песню, Костя слегка растерялся. И Сережа не стал больше спрашивать, все и так было ясно. А Костя закинул за плечо гитару и взял Сережу за руку.

— Пойдем, Сергей... Не все ли равно, кто придумал песню? Главное, что поют...

И Сереже стало хорошо-хорошо оттого, что Костя помнит, оказывается, его имя, и они идут сейчас рядом, и Костя держит его ладонь в своей ладони, а над лагерем теплый такой, тихий вечер, и луна смеется среди темных сосен...

СОДЕРЖАНИЕ

МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ

Часть первая. Всадники на станции Роса	7
Часть вторая. Звездный час Сережи Каховского	65
Часть третья. Флаг-капитаны	194
Эпилог. Барабанщики, марш!	294

БРОНЗОВЫЙ МАЛЬЧИК

Часть первая. Тень фрегата «Рафаил»	305
Часть вторая. «Тремолино»	451
Эпилог	576

РЫЖЕЕ ЗНАМЯ УПРЯМСТВА

Вступление. Свой человек в Гаванском	587
Часть первая. Талисман	604
Часть вторая. Черные тетради	718
Часть третья. Мыс Дракуэль	800
Эпилог	890